

Кеннет прекрасно знал, что в семье Эдгаров Кунтин, законный наследник, ни во что не ставил Цзяи. Жестокий и несдержанный, Кунтин часто не мог совладать с жадной разрушения и превращал Цзяи в живую игрушку, истязая его без малейших угрызений совести. В поместье Эдгаров положение Цзяи было прискорбнее, чем у последнего слуги.

Его собственный сын, Нил, часто проводил время с Кунтином и наблюдал за этими «забавами» с маской полного безразличия. Однако Кеннет видел своего сына насквозь: Нил не находил в этих бесчинствах ни капли удовольствия. Напротив, в глубине души он питал отвращение к неуправляемой ярости Кунтина.

Наблюдая за ними, Кеннет заметил нечто из ряда вон выходящее: когда Цзяи оказывался на краю гибели, его сын — внешне такой холодный и отстранённый — тайно помогал бедному мальчишке.

Для Кеннета это стало откровением. Нил всегда казался человеком, лишённым интереса к миру; в его глазах, таких же ясных и прекрасных, как у Лилиан, и в то же время необъяснимо ледяных, всё сущее казалось лишь прахом. То, что он решил защитить другого ребёнка, делало этого мальчика особенным в глазах Нила.

Тогда, много лет назад, лишь заступничество юного Нила спасло Цзяи жизнь после кровавой схватки на арене. Ему даже было позволено носить фамилию Эдгар, но жизнь его от этого не стала легче. Глава рода, отец обоих братьев, и знать не хотел о своём бастарде.

Воля Цзяи закалялась в горниле бесконечных испытаний. Кеннет видел взгляд этого юноши: за внешним спокойствием скрывались стальная стойкость и мятежный дух. Кеннет понял — перед ним воин, достойный того, чтобы в него вложиться.

Время подтвердило его правоту. На протяжении десяти лет Кеннет, действуя от имени Нила, тайно обучал и поддерживал Цзяи. Когда тому исполнилось шестнадцать, Кеннет помог ему создать тайную личность, превратив его в нового магната, чьё влияние стремительно росло на землях Королевства Западных Земель.

Никто не видел лица этого человека, всегда скрытого глубоким капюшоном. В кругах торговцев Запада о нём говорили как о таинственном и беспощадном дельце под именем Торговца Сидэ. Ходили слухи, что у него есть частная армия, но никто не знал, где она скрывается. Мир знал лишь одно: любой, кто пытался уничтожить его коварством, исчезал без следа.

Цель Кеннета была проста. Он был человеком добрым, но в высшей степени расчётливым. Помогая Цзяи, он лишь хотел обеспечить будущее своему единственному, горячо любимому сыну. Он создавал для Нила самую надёжную и незаметную защиту — щит в лице окрепшего и преданного Цзяи на случай, если семья Кеннетов когда-нибудь окажется в беде.

Цзянь Хуай вышел из заточения следом за Цзяи, который снова накинул капюшон, скрывая лицо. Они сели в карету, готовясь покинуть этот континент навстречу неизвестности.

Экипаж был невзрачным, почти жалким, в отличие от роскошных выездов дома Кеннетов. Снаружи карета выглядела старой и разбитой, однако внутри её щедро устлали мягкими подушками, так что Цзянь Хуай почти не чувствовал тряски на ухабистой дороге.

Следуя воле отца, он уезжал один. Никаких извещений, никаких слуг или гвардейцев Кеннета — только он и Цзяи.

Сам Цзяи не стал заходить внутрь, устроившись на козлах рядом с кучером. Цзянь Хуай сидел в одиночестве, глядя на проплывающие мимо незнакомые пейзажи. Время от времени он доставал кулон и долго смотрел на него, погружённый в свои думы. Возможно, он оплакивал разлуку с отцом.

«Я предвидел этот момент ещё несколько лет назад», — говорил Кеннет, улыбаясь. — «Цзяи поклялся защитить тебя и вывезти из Королевства Западных Земель. Это его долг».

Отец положил ладонь ему на плечо, развернул к выходу и слегка подтолкнул, выпроваживая из кровавой тишины 24-й камеры.

«Прощай, мой малыш. Мой Нил... Это последний раз, когда я зову тебя так. Отныне ты больше не Нил Кеннет».

«Ты принадлежишь только себе. Ты принадлежишь свободе».

Цзянь Хуай достал из медальона сложенный клочок шёлковой бумаги. Подушечками пальцев он коснулся мягкой ткани, вчитываясь в знакомые строки. Адрес на бумаге вёл не в Западные Земли, а далеко в Восточные Земли — в ту мирную страну, пропитанную искусством и гармонией.

— Цзянь Хуай, давай сделаем здесь небольшой привал, — раздался голос снаружи.

Он больше не Нил. С того мгновения, как он переступил порог тюрьмы, он выбрал себе восточное имя. Два иероглифа, которые казались странно знакомыми и в то же время новыми: Цзянь Хуай.

— Хорошо, — негромко отозвался юноша. Он осторожно убрал записку в медальон и бережно защёлкнул крышку.

Карета замедлила ход и остановилась. Цзянь Хуай сидел прямо, глядя, как мозолистая, покрытая шрамами рука откидывает полог, впуская внутрь лучи заходящего солнца. В свете заката глаза Цзяи сияли, точно мастерски огранённые изумруды, а его длинные ресницы отливали золотом.

— Сейчас у Кунтина должны начаться большие неприятности, — глухо проговорил он.

Вскоре после их отъезда Кунтина вызвали на допрос к королю.

Его любовник Зэнь Брюс и доверенное лицо Бэйль Эдгар были пойманы на попытке подкупить стражу. Они пытались тайно встретиться с Кеннетом, несмотря на строжайший королевский запрет.

Зэнь, чьи волосы были окрашены в светло-золотистый цвет, дрожал, припав к холодному полу. Грубая тюремная одежда натёрла его нежную кожу, запястья покраснели и опухли. Он не смел поднять головы, боясь встретиться взглядом с великими лордами, восседавшими на возвышении.

— Семья Кеннетов... — голос Зэня прерывался от ужаса. — Они владеют колоссальными ресурсами... У них есть множество тайных месторождений драгоценных камней, о которых никто не знает...

— С тех пор как род Эдгар перебрался на Запад, мой господин пытался втереться в доверие к главе Кеннетов. Он знал, что их богатства безграничны, и давно жаждал заполучить эти копи... Но не знал, где они находятся.

— В этот раз молодой господин Кунтин приказал мне и господину Бэйлю отправиться в темницу. Мы должны были угрожать жизнью Нила, единственного сына Кеннета... чтобы заставить отца выдать расположение рудников.

Зэнь рыдал, опустив голову, слёзы капали на грязные плиты пола.

— Умоляю, господа, пощадите Зэня! Я лишь помогал господину Бэйлю, я не зачинщик! Господин Бэйль предан Кунтину как пёс, но он нем, поэтому господин Кунтин велел мне переодеться и сопровождать его.

Он бился лбом о пол снова и снова, пока не обессилел. Кровь смешалась с грязью. Наконец, тело юноши обмякло, и он потерял сознание.

Тем временем допрос «немого» управляющего Бэйля Эдгара тоже подходил к концу. При нём обнаружили список из десятков адресов рудников и маршрутов перевозок, написанный рукой

Кеннета. Против таких улик возразить было нечего.

Более того, в ходе допроса выяснилось, что Бэйль признал причастность семьи Эдгар к деятельности таинственного «Торговца Сидэ»: содержание частной армии, жестокое подавление конкурентов и преследование неугодных аристократов.

Это задело Рио V за живое. Король превыше всего ценил военную мощь; его девизом было «сила подавляет любое сопротивление». Он верил, что только мощь армии позволит королевству стать таким, каким он его видел.

Эдгары были лишь прихлебателями, которые вымаливали право на жизнь у трона. Король обещал им самую жирную часть пирога после падения дома Кеннетов. Это был знак высочайшего доверия!

Однако случившееся показало Рио V, что Кунтину этого мало. Он хотел всего, и он явно готовил почву для того, чтобы бросить вызов королевской власти.

Когда канцлер зачитал результаты допроса королю, этот могучий и свирепый монарх прищурился, его глаза были налиты кровью. Он хищно усмехнулся, обнажив ровные, острые зубы. Одним ударом ноги он опрокинул канцлера. Мышцы под расшитым золотом камзолом напряглись. Король со скрежетом выхватил украшенный самоцветами меч и обрушил его вниз.

Тяжёлый стол разлетелся надвое, подняв облако древесной пыли. Рио V был в ярости, но в то же время понимал: прибрать к рукам богатства сразу двух крупнейших ювелирных домов — отличная сделка.

К тому же, если Кунтин и впрямь был тем самым таинственным Торговцем Сидэ, его состояние было поистине легендарным. В последние годы имя Торговца Сидэ гремело на весь Запад; его дела процветали, и никто не мог остановить его рост, а те, кто пытался, странным образом погибали.

Король давно опасался этого торговца, но не знал, где его искать. Даже его караваны перемещались неуловимыми, призрачными путями.

Опасения Рио V достигли пика после гибели виконта Руна, брата графа Эда. Виконт был кутилой, но талантливым военачальником, и король благоволил ему. По тайному приказу короля Рун возглавил отряд гвардейцев, переодетых бандитами, чтобы перехватить караван Торговца Сидэ в пустыне за пределами королевства. Цель была проста: разграбить товар и вырезать всех свидетелей, преподав выскочке урок.

Однако вместо триумфа пришла весть о гибели всего отряда. Ни один человек не выжил.

До столицы дошли слухи, будто на караван Торговца Сидэ напали разбойники, а проходившая

мимо армия спасла торговцев. Никто не знал, что «разбойниками» были люди виконта, а таинственная армия взялась из ниоткуда.

Тело виконта даже не смогли достойно вернуть в столицу. Когда его брат, граф Эд, тайно послал людей за останками, от бедного Руна мало что осталось — дикие звери обглодали его так, что уцелела лишь верхняя половина скелета. Для благородного дома это было несмываемым позором.

— Стража! — взревел король. — Передайте графу Эду, что убийца его брата — Кунтин Эдгар! Пусть немедленно ведёт людей и берёт этого мерзавца под стражу!

Отряд гвардейцев выломал двери особняка Эдгаров. Кунтин, с бокалом дорогого вина в руке, предавался мечтам о том, как загнанный в угол Нил приползёт к нему, моля о ласке и защите.

Он сделал глоток алого вина, щурясь от лёгкого опьянения, когда в зал ворвались вооружённые люди. Холодное остриё меча упёрлось ему прямо в переносицу.

Хмель выветрился мгновенно.

Карета Цзянь Хуая остановилась у реки.

Цзяи был в воде — охотился на рыбу с ножом в руках. Он сбросил верхнюю одежду, обнажив рельефную мускулатуру. Жёсткие линии его тела, подсвеченные лучами заходящего солнца, казались вылитыми из бронзы. В наступающих сумерках его аура казалась дикой и притягательной.

Закатав штанины до колен, он замер, не сводя глаз с мелькающих в воде теней.

Вжих!

Серебристое лезвие молниеносно пробило водную гладь. Цзяи подцепил добычу и точным движением выбросил её на берег. Раненая рыба забилась в траве, затихнув через несколько мгновений.

Это была уже десятая.

Цзянь Хуай сидел на плоском валуне, наблюдая за ним. Кучер куда-то исчез в лесной чаще, не

проронив ни слова. Цзяи не стал ничего объяснять, лишь принёс юноше большой камень, заботливо протёр его тканью и жестом предложил присесть.

Между ними повисла тишина. Он подошёл к Цзянь Хуаю. Его изумрудные глаза, обычно холодные и жёсткие, теперь казались прозрачными озёрами, в которых отражался только один человек.

Он долго смотрел на юношу, прежде чем он едва заметно улыбнулся. Цзяи заметно нервничал. Сделав пару шагов, он спросил хрипло и отрывисто:

— Будешь рыбу?

Цзянь Хуай бесстрастно посмотрел на него:

— Буду.

Он подошёл к карете и достал из тайника свёрток с провизией. Его длинные пальцы ловко развязали узлы, извлекая единственную коробку с лакомствами. Это были плоды юэр — дорогое и изысканное угощение, популярное на Западе.

Он протянул коробку Цзянь Хуаю:

— Сначала поешь это.

Когда юноша взял сладости, Цзяи окончательно скинул рубаху, повесив её на ветку ивы. Его мощная фигура снова нырнула в поток.

Рыбы брызнули в стороны от его рывка, но Цзяи был быстрее. Ночь окончательно вступала в свои права. На чёрном небе проступили звёзды, а луна висела острым серпом.

Цзянь Хуай отправил кусочек плода в рот. Тонкий, изысканный вкус... Это было любимое лакомство Лилиан. Повара Кеннетов готовили его отменно, но даже они не могли сравниться с мастерами из самой знаменитой лавки Королевства Западных Земель. Говорили, что даже таинственный Торговец Сидэ обожал их продукцию.

Вкус был точь-в-точь как из той лавки. Именно такой, какой любила мать.

Мягкий ночной ветер коснулся щеки Цзянь Хуая, принося аромат цветов, словно нежная рука матери гладила его в последний раз, шепча слова любви и прощания.

— Как мне называть тебя? Цзяи? Или Торговец Сидэ? Или у тебя есть ещё имена? — голос

юноши прозвучал чисто и спокойно.

Он безучастно смотрел в спину мужчины. Кожа Цзяи была испещрена старыми шрамами — глубокими и мелкими, свидетельствами бесчисленных битв.

Кеннет никогда не называл истинного имени своего протеже, но Цзянь Хуай по обрывкам старых разговоров давно догадался, кем был этот человек в Королевстве Западных Земель.

— Раньше я был и Торговцем Сидэ, и Цзяи. Но теперь это не имеет значения.

— Настоящий Торговец Сидэ сейчас под арестом. А я... я лишь твой верный пёс, Цзяи.

Тот израненный мальчишка вырос и стал сильным. Он обернулся, его грудь тяжело вздымалась в лунном свете. Он не был мастером красноречия, но его преданность была бездонной.

— Умоляю тебя... позволь мне быть просто твоим Цзяи. Всё, что ты пожелаешь, я исполню.

— Можно?.. Позволь мне, Цзянь Хуай... — он звал его снова и снова.

Тот хрупкий ребёнок, за которым он наблюдал годами, вырос в элегантного и холодного юношу. Он стал его наваждением, его единственной целью.

«Выросший в жестокой семье Эдгар, Цзяи никогда не забудет тот взгляд из детства. Он не забудет те ледяные глаза, в которых пряталась невозможная нежность. Он не забудет тайную заботу и безмолвную помощь, превратившиеся в одержимость Нилом. Это был его единственный свет в беспросветной тьме».

«Дорогой Нил, готов ли ты принять чувства Цзяи?»

[Вариант выбора 1: Принять]

[Вариант выбора 2: Отвергнуть]

<http://bllate.org/book/17462/1693131>